

Розанов В.В.

Итальянские впечатления

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.85
ББК 75.81
Р64

Р64 **Розанов В.В.**
Итальянские впечатления / Розанов В.В. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 330 с.

ISBN 978-5-458-30667-6

Книга известного русского философа представляет собой рассуждения-заметки о Европейских странах в начале XX века: достопримечательностях, культурной, политической жизни, сопровождаемые рассуждениями на темы философии, искусства и литературы.

ISBN 978-5-458-30667-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ Европу можно ѣхать съ пустымъ сердцемъ: тогда въ ней ничего не увидишь. Эта совокупность ресторановъ и уличной толпы не представляетъ ничего занимательнаго, какъ и у насъ... Трудъ, удовольствія и вообще элементы человѣческаго житія—одинаковы вездѣ подъ солнцемъ, разнясь только въ краскахъ и размѣрахъ. И не надо выѣзжать изъ родины, чтобы посмотрѣть это въ Италіи или Германіи.

Я поѣхалъ туда съ другимъ намѣреніемъ: посмотрѣть усталымъ взглядомъ усталыхъ людей. Мнѣ хотѣлось взглянуть на Европу, какъ на мѣсто чудовищной исторической энергіи, гдѣ отложились слои великаго труда, подвиговъ, замысловъ, генія, надеждъ и разочаро-

ваній. Мнѣ хотѣлось «понюхать ихъ пота» и «взглянуть на ихъ лица»: какъ? что? горитъ ли тамъ энергія? есть ли «вѣра, надежда и любовь», говоря восточною фразеологіей. Я поѣхалъ съ историческимъ интересомъ, а не съ географическимъ интересомъ: и читатель или путникъ по Европѣ найдетъ въ этой книжкѣ себѣ друга, если ѣдетъ туда съ аналогичными намѣреніями.

Безъ моего вѣдома, художникъ Л. С. Бакстъ, знакомясь въ рукописи или корректурѣ съ нѣкоторыми отдѣлами этихъ «Впечатлѣній», печатавшимися въ «Мірѣ Искусства», сдѣлалъ прелестные рисунки къ статьямъ о Флоренціи и Пестумѣ. Находя статьи въ журналѣ, я долго бывало любовался этими рисунками, которыя онъ дѣлалъ, вѣроятно, подъ навѣваніемъ текста: но на меня обратно навѣвали толпы античныхъ грезъ эти прелестные рисунки. Въ Бакстѣ вообще живетъ много древняго человѣка: наивный, какъ мальчикъ, онъ не хочетъ проснуться къ дѣловой прозѣ Европы XIX—XX-го вѣка. Все ему грезятся старые

камни и юныя нимфы, зеленый плющъ около пожелтѣвшихъ колоннъ, и, можетъ быть, онъ видитъ и себя въ этихъ грезахъ, заснувшимъ въ высокой травѣ, какою заросла древняя Посейдонія... Такъ назывался первоначально городокъ, переименованный римлянами въ Пестумъ. Въ пятнадцати саженьяхъ отъ его храмовъ, такъ изумительно сохранившихся, синѣетъ голубое Тиренское море: какъ оно удивительно, какой видъ! И когда я смотрѣлъ на эту бирюзу водъ и думалъ, что триремы Пирра, кареагенянь и римлянъ когда-то разрѣзали его волны, встрѣчались и провожались живыми жителями этого городка, въ хитонахъ и туникахъ, я готовъ былъ заплакать... И я вообще думаю иногда, что въ наше время хорошо сохранять дѣтство, а серьезному взрослому душою засыпать и потихоньку просыпаться въ тотъ древній міръ, когда люди не задыхались подъ ватною одеждой, подъ книгами, подъ утренними газетами, а умывали утромъ руки въ солнечныхъ лучахъ, и солнце золотило ихъ смуглую кожу... И солнце, и

люди, и колонны храмовъ — все связывалось въ единое цѣлое, еще безъ грѣха и зависти...

В. Р.

Р. S. Къ «Итальянскимъ впечатлѣніямъ» я прибавилъ нѣсколько страницъ — о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ проѣздомъ по Германіи.

РИМЪ.

Страстная пятница въ Соборѣ св. Петра.

На торжественной службѣ въ Соборѣ св. Петра, между 4^{1/2} и 7-ю часами, передъ главнымъ алтаремъ, на длинныхъ скамьяхъ, расположенныхъ *vis-à-vis* другъ къ другу и обращенныхъ къ алтарю бокомъ, я насчиталъ до 160 священниковъ, канониковъ, прелатовъ, епископовъ. Послѣ всѣхъ вошелъ въ красной шапочкѣ и длинной лиловой мантии кардиналъ Рамполла. Четыре каноника несли его длинный, до двухъ аршинъ, шлейфъ, какъ это бываетъ съ царями во время вѣнчанія или съ очень знатными дамами—тоже во время вѣнчанія. Поразительна эта особенность священническихъ одеждъ и на Западѣ, и на Востокѣ, что по покрою своему онѣ суть типично женственныя, а вовсе не мужскія одежды: расширяющіеся къ концу рукава, кушакъ—широкою лентою (никогда этого у мужчинъ), наконецъ даже шлейфъ. И въ самомъ цвѣтѣ платья—что-нибудь яркое: лиловое, зеленое, голубое, красное, чего также вовсе не встрѣчается у мужчинъ. Между тѣмъ вкусъ къ платью и къ цвѣту выражаетъ безсознательнѣйшую и очень глубокую часть души человѣческой.

Было чтеніе, пѣніе, внизу священниковъ—далекое отъ благообразія, и пѣніе вверху папскаго хора—прекрасное. Въ пѣніи хора попадались мотивы, ноты и цѣлыя длинныя строки, которыя казались перенесенными изъ оперы. Столько въ нихъ было узорнаго! Вообще пѣніе менѣе оставляетъ впечатлѣнія, чѣмъ наше православное. Впрочемъ, здѣсь расхожденіе сердецъ. Я когда-нибудь объясню, до чего, такъ сказать, гамма души православной и вѣры православной расходится съ гаммою души и вѣры католической. Ихъ, вѣроятно, трогаетъ ихнее пѣніе, и не тронуло бы наше. Но я помню, въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ, на отпѣваніи покойнаго генераль-контролера Штрика, пѣніе митрополичьихъ пѣвчихъ: звуки неслысь, какъ ангельскіе, и точно искали въ сводахъ храма выхода, чтобы унести въ небо. Таковъ ихъ составъ былъ и характеръ. Въ св. Петрѣ звуки земные. Но вотъ ихъ преимущество: сила, увѣренность. Когда слушаешь это пѣніе, не-красивое прелатовъ или красивое хора, чувствуешь, что это голосъ людей, которые увѣрены въ своемъ будущемъ. Тысяча побѣдъ за спиною слышится въ тонѣ: «мы всегда побѣждали», «мы проигрывали только на-время», «и мы все побѣдимъ, и мы всѣхъ побѣдимъ». И ни малѣйшаго сомнѣнія.

Въ пѣніи—ничего запутаннаго, тоскливаго; никакого смятенія, ни робости. Это не романтическое пѣніе, это классическое пѣніе, римское. И вообще, Боже, сколько здѣсь римскаго!

Я жалѣлъ, сидя на особой эстрадѣ и на видномъ мѣстѣ, что нельзя было поднять бинокля, который лежалъ у меня въ карманѣ. Но въ теченіе слишкомъ продолжительной службы изъ священниковъ многіе вставали со скамей, кланялись остающимся, выходили и затѣмъ минутъ черезъ 6—8 опять возвращались. Они проходили совѣтъ мимо меня, да и остальныхъ я видѣлъ довольно хорошо, включительно до мелкихъ чертъ лица. Смуглый-смуглый цвѣтъ кожи и горбатые носы не оставляли сомнѣнія, что все это римляне, итальянцы, или французы и бельгійцы, но не германцы. Но насколько въ современномъ итальянцѣ много выродившагося, размягченнаго, пѣжнаго, настолько въ 160 фигурахъ, передо мной сидѣвшихъ, было много богатства крови и силъ. Простой взглядъ, простое наблюденіе показываетъ вамъ, что католицизмъ вобралъ въ себя все талантливое изъ расы и оставилъ полптикѣ, торговлѣ, литературѣ обѣдѣн своего вкуснаго завтрака. На переднихъ скамьяхъ сидѣли мальчики въ бѣлыхъ кружевныхъ пелеринкахъ, отъ 11 до 16 лѣтъ, и среди нихъ было большинство лицъ изящны въ чертахъ, миловидны въ выраженіи. Это будущіе прелаты. Сзади ихъ сидѣли прелаты, которые 40—50—60 лѣтъ назадъ сидѣли такимъ же мальчиками на такой же службѣ, на этомъ самомъ переднемъ рядѣ скамей безъ спиннокъ. Теперь они сѣды, морщинисты, но—вотъ опять странность!—ни малѣйше не дряхлы, не разслабленны. Одинъ прелатъ вышелъ читать на се-

редину: онъ до того былъ старъ, что его поддерживали подъ руки: онъ могъ упасть. Но онъ точно старался вырваться изъ поддерживавшихъ его рукъ, его движенія были не прямы (не вѣрны въ отношеніи къ цѣли), но порывисты, и онъ завопилъ, чытая голосомъ дребезжащимъ, но смѣлымъ. «Умираю, но и умираю—орелъ!» Я отълекся нѣсколько отъ лицъ, такъ заинтересовавшихъ меня. Въ противоположность слащавой красоты итальянцевъ вообще, прелаты почти безъ исключенія всѣ были безобразны, безобразны—даже среднихъ лѣтъ, даже молодые. Но съ каждаго лица можно было снять портретъ и помѣстить его въ книгу, въ «Histoire de la civilisation», въ «Histoire de l'église» въ «Histoire des guerres universelles». Боже, какъ я узналъ въ нихъ столь знакомые мнѣ по нумизматикѣ портреты Тиверіевъ, Веспасіановъ, Антониновъ, Авреліевъ, Нероновъ, Августовъ, Цезарей (не преувеличиваю), Помпеевъ, Гракховъ. Коротко остриженная голова и бритый подбородокъ, дающіе разсмотрѣть все строеніе черепа и лица, не оставляли сомнѣнія. Я помню эти самыя лица на монетахъ, мною собранныхъ, мнѣ въ мельчайшихъ чертахъ знакомыхъ. — «Фу, дьяволы, точно воскресли!»—«Да, но мы теперь христіане, и въ христіанствѣ такъ же сильны, какъ были сильны въ язычествѣ».

Я вспомнилъ, какъ еще студентомъ, читая Ливіа, вздумалъ однажды донскиваться, что значитъ слово «Роша». Въ латинскомъ словарѣ Кронеберга около